УДК 347.4

Стрекаль А.А.

магистрант

Институт магистратуры и подготовки кадров высшей квалификации

Ростовский институт

Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России)

(г. Ростов-на-Дону, Россия)

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОДПИСЬ В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ В РОССИИ

Аннотация: *в статье исследуется гражданско-правовое значение электронной подписи в России: ее связь с письменной формой сделки, условия юридической эквивалентности различных видов подписи и доказательственное значение цифровой идентификации. На основе действующего законодательства, современной цивилистической доктрины и практики Верховного Суда Российской Федерации обосновывается необходимость оценивать подпись в составе целостной цепочки аутентификации.*

Ключевые слова: *электронная подпись, простая подпись, квалифицированная подпись, электронный документ, гражданско-правовая сделка, письменная форма сделки, идентификация, волеизъявление.*

Распространение дистанционных договоров придало электронной подписи значение одного из ключевых механизмов фиксации гражданско-правового волеизъявления. Пункт 1 статьи 160 ГК РФ признает письменную форму соблюденной при использовании электронных либо иных технических средств, если содержание сделки воспроизводимо в неизменном виде, а примененный способ позволяет достоверно определить лицо, выразившее волю, пункт 2 статьи 434 ГК РФ допускает заключение договора путем составления одного электронного документа либо обмена электронными документами и иными данными [1].

Следовательно, электронная подпись юридически важна не как самостоятельный реквизит, а как средство связи определенного лица с определенным содержанием сделки.

Такое понимание соответствует современной цивилистике. Л. Ю. Василевская, Е. Б. Подузова и Ф. А. Тасалов связывают развитие регулирования с юридико-техническим уравниванием электронного и бумажного способов фиксации волеизъявления, одновременно предупреждая о риске размывания критериев письменной формы [5, с. 67]. В. В. Пекарева и Ю. И. Фроловская отмечают, что действующее право не выделяет электронную форму в самостоятельный вид сделки [8, с. 317]. Представляется, что эта позиция наиболее последовательна: выделение новой формы не решит главную проблему цифрового оборота – идентификацию субъекта волеизъявления.

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ определяет электронный документ как документированную информацию в электронной форме, пригодную для восприятия человеком с использованием вычислительной техники, передачи по сетям и обработки в информационных системах [3]. Закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» различает простую, усиленную неквалифицированную и усиленную квалифицированную подписи [2]. Квалифицированная подпись по общему правилу обеспечивает равнозначность электронного и бумажного документа, тогда как для простой и неквалифицированной подписи такая равнозначность должна вытекать из закона, иного нормативного акта или соглашения участников. Для простой подписи соглашение обязано устанавливать правила определения подписанта и обязанность сохранять конфиденциальность ключа [2].

Наибольшие доказательственные риски возникают при использовании простой электронной подписи – кодов, паролей и иных идентификаторов. Д. В. Огрызов справедливо относит к основным проблемам безопасность, конфиденциальность и аутентификацию [9, с. 177]. В. Е. Ефремова дополнительно указывает на сложность идентификации лица и оценки электронных доказательств [6, с. 200].

Эти выводы требуют важного уточнения: юридическая надежность простой подписи определяется не ее названием, а архитектурой конкретной процедуры – первоначальной идентификацией пользователя, привязкой кода к конкретному документу, сроком действия кода, журналированием событий и порядком реагирования на компрометацию.

Из этих положений вытекает минимальный стандарт договорного регулирования простой электронной подписи. Соглашение должно позволять установить, каким образом идентификатор был связан с пользователем, какой именно текст подтверждался кодом, когда код был сформирован и использован, какие сведения сохраняются оператором системы и как участник может заявить о компрометации [2]. Формула о том, что любое действие из личного кабинета безусловно считается действием клиента, не должна сама по себе устранять необходимость доказывания фактической связи между пользователем и спорной операцией. В потребительских отношениях это особенно важно, поскольку профессиональный участник проектирует информационную систему и контролирует основной массив цифровых доказательств. Поэтому именно он должен обеспечить их сохранность и проверяемость, а не перекладывать техническую неопределенность на гражданина.

Именно функциональный подход отражен в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 5 декабря 2023 г. № 19-КГ23-32-К5. Суд подчеркнул, что для придания юридической силы документу с простой электронной подписью необходимо идентифицировать лицо, использовавшее ее, одного технического факта ввода кода недостаточно, если оспаривается само волеизъявление [4]. И. К. Тебенёв также рассматривает идентификацию сторон как центральную проблему электронной коммерции и предлагает алгоритмизировать разрешение таких споров [10, с. 104]. Поэтому лицо, ссылающееся на электронный договор, должно первоначально подтверждать целостную цепочку цифровых данных, а не только предъявлять итоговый файл.

Усиленная квалифицированная подпись существенно повышает уровень доверия, но не превращает электронный документ в неопровержимое доказательство действительного волеизъявления. В. А. Жаркова и Л. В. Саенко подчеркивают более высокую идентификационную надежность квалифицированной подписи [12, с. 134]. С этим следует согласиться лишь применительно к криптографической связи подписи с сертификатом и контролю неизменности информации: остаются самостоятельными вопросы добровольности действий, компрометации ключа и полномочий. Показательно, что статья 17.2 Закона № 63-ФЗ при действиях представителя юридического лица требует его собственной квалифицированной подписи и одновременного представления доверенности [2]. Тем самым законодатель разграничивает идентичность подписанта и его право связывать представляемое лицо сделкой.

Дифференциация требований особенно необходима в высокорисковых сегментах оборота. Л. Ю. Василевская применительно к недвижимости указывает на угрозы утраты конфиденциальных данных и неправомерного отчуждения имущества и обосновывает необходимость более жесткого механизма дистанционных сделок [11, с. 27–29]. Т. Э. Зульфугарзаде и А. Ш. Габараева также демонстрируют, что электронная форма договора, электронная подпись и цифровые права образуют взаимосвязанную, но не тождественную систему категорий [7]. Отсюда следует четырехэлементный стандарт проверки: связь идентификатора с субъектом, контроль над средством подписи в момент действия, неизменность и точная определенность подписанного текста, наличие и объем полномочий представителя.

Таким образом, российская модель в целом адекватно сочетает технологическую нейтральность ГК РФ и дифференциацию видов электронной подписи. Ее основная проблема носит правоприменительный характер: техническое использование кода или ключа нередко ошибочно отождествляется с доказанным волеизъявлением. Совершенствование регулирования целесообразно связывать не с созданием самостоятельной электронной формы сделки, а с закреплением в договорах проверяемых процедур аутентификации, сохранением цифровых журналов для юридически значимых операций и единообразной судебной оценкой всей цепочки доказательств. Такой подход позволяет сохранить скорость электронного оборота без снижения требований к достоверности гражданско-правового волеизъявления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 (дата обращения: 08.09.2026)
2. Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701 (дата обращения: 08.09.2026)
3. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 26.06.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798 (дата обращения: 08.09.2026)
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.12.2023 № 19-КГ23-32-К5. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2318126 (дата обращения: 08.09.2026)

5. Василевская Л.Ю., Подузова Е.Б., Тасалов Ф.А. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование): монография: в 5 т. Т. I. М.: Проспект, 2021. 288 с.

6. Ефремова В.Е. Особенности использования электронной подписи при заключении гражданско-правовых договоров (сделок): проблемы и перспективы // Вопросы российской юстиции. 2022. № 19. С. 192–202

7. Зульфугарзаде Т.Э., Габараев А.Ш. Электронная форма сделки и цифровые права: учебное пособие / под ред. Р.А. Курбанова. М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2022. 143 с.

8. Пекарева В.В., Фроловская Ю.И. Электронная форма сделки: понятие и правовая природа в рамках изучения курса гражданского права в образовательных учреждениях уголовно-исполнительной системы // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9 (237). С. 316–319

9. Огрызов Д.В. Правовые аспекты использования простой электронной подписи: практика и проблематика // Право и государство: теория и практика. 2024. № 4 (232). С. 177–180

10. Тебенёв И.К. Форма сделок и идентификация их сторон в электронной коммерции (часть 2) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 4. С. 104–157

11. Василевская Л.Ю. Электронная форма сделок с недвижимостью: проблемы правоприменения в условиях цифровизации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 11 (123). С. 25–34

12. Жаркова В.А., Саенко Л.В. Электронная подпись в гражданско-правовых сделках: виды, юридическая сила, проблемы доказывания // Научный лидер. 2026. № 14 (267). С. 134–136

Strekal A.A.
master's degree student
Institute of Master's Studies and Advanced Training
Rostov Institute
All-Russian State University of Justice
(Rostov-on-Don, Russia)

ELECTRONIC SIGNATURE IN CIVIL-LAW RELATIONS IN RUSSIA

Abstract: *the article examines civil-law significance of electronic signature in Russia: its relationship to written form of transaction, conditions for legal equivalence among different types of signatures, and evidentiary value of digital identification. Drawing on current legislation, contemporary civil-law doctrine, and Supreme Court of Russia practice, the article substantiates the need to assess a signature as part of an integrated authentication chain.*

Keywords: *electronic signature, simple signature, qualified signature, electronic document, civil-law transaction, written transaction form, identification, volition.*